

THE
HOSPITAL

CHURCH STREET

Annotation

От издателя

В сборник вошли лучшие рассказы известного русского писателя-сатирика. Среди них - цикл "Рассказы о старой школе", искрящееся юмором воспоминание о "старой", но никогда не стареющей школе детской души, оно не только веселит и увлекает, но и учит, наставляет, воспитывает.

- [Аркадий Аверченко](#)
    - [Глава 1. Приезд](#)
    - [Глава 2. Триумф](#)
    - [Глава 3. Светлые дни.](#)
    - [Глава 4. Крах](#)
-

Аркадий Аверченко
Кривые Углы

Глава 1. Приезд

Гимназист 6-го класса харьковской гимназии Поползухин приехал в качестве репетитора в усадьбу помещика Плантова Кривые Углы.

Ехать пришлось восемьсот вёрст по железной дороге, семьдесят лошадьми и восемь пешком, так как кучер от совершенно неизвестных причин оказался до того пьяным, что свалился на лошадь и, погрозив Поползухину грязным кулаком, молниеносно заснул. Поползухин потащил чемодан на руках и, усталый, расстроенный, к вечеру добрёл до усадьбы Кривые Углы.

Неизвестная девка выплянула из окна флигеля, увидала его, выпала оттуда на землю и с криком ужаса понеслась в барский дом.

Поджарая старуха выскочила на крыльцо дома, всплеснула руками и, подскакивая на ходу, убежала в заросший, густой сад.

Маленький мальчик осторожно высунул голову из дверей голубятни, увидел гимназиста Поползухина с чемоданом на руках, показал ему язык и громко заплакал.

— Чтоб ты пропал, собачий учитель! Напрасно украл я для кучера Афанасия бутылку водки, чтобы он завёз тебя в лес и бросил. Обожди, оболую я тебе костюм чернилом!

Поползухин погрозил ему пальцем, вошёл в дом и, не найдя никого, сел на деревянный диван.

Парень лет семнадцати вышел с грязной тарелкой в руках, остановился при виде гимназиста и долго стоял так, обомлевший, с круглыми от страха глазами. Постояв немного, уронил тарелку на пол, стал на колени, подобрал осколки в карманы штанов и ушёл.

Вошёл толстый человек в халате и с трубкой. Пососав её задумчиво, разогнал волосатой рукой дым и сказал громко:

— Наверно, это самый учитель и есть! Приехал с чемоданом. Да. Сидит на диване. Так-то, брат Плантов! Учитель к тебе приехал.

Сообщив самому себе эту новость, помещик Плантов обрадовался, заторопился, захлопал в ладоши, затанцевал на толстых ногах.

— Эй, кто есть? Копанчук! Павло! Возьмите его чемодан. А что, учитель, играете вы в кончины?

— Нет, — сказал Поползухин. — А ваш мальчик меня языком дразнил!

— Высеку! Да это нетрудно: сдаются карты вместе с кончинами... Пойдём... покажу!

Схватив Поползухина за рукав, он потащил его во внутренние комнаты; в столовой они наткнулись на нестарую женщину в тёмной кофте с бантом на груди.

— Чего ты его тащишь? Опять, верно, со своими проклятыми картами! Дай ты ему лучше отдохнуть, умыться с дороги.

— Здравствуйте, сударыня! Я — учитель Поползухин, из города.

— Ну, что же делать? — вздохнула она. — Мало ли с кем бывает. Иногда и среди учителей попадаются хорошие люди. Только ты, уж сделай милость, у нас мертвецов не режь!

— Зачем же мне их резать? — удивился Поползухин.

— То-то я и говорю — незачем. От бога грех и от людей срам. Пойди к себе, хоть лицо оплесни! Опылило тебя.

Таков был первый день приезда гимназиста Поползухина к помещику Плантову.

Глава 2. Триумф

На другой день, после обеда, Поползухин, сидя в своей комнате, чистил пиджак, залитый чернилами. Мальчик Андрейка стоял тут же в углу и горько плакал, перемежая это занятие с попытками вытащить при помощи зубов маленький гвоздик, забитый в стену на высоте его носа.

Против Поползухина сидел с колодой карт помещик Плантов и ожидал, когда Поползухин окончит свою работу.

— Учение — очень трудная вещь, — говорил Поползухин. — Вы знаете, что такое тригонометрия?

— Нет!

— Десять лет изучать надо. Алгебру — семь с половиной лет. Латинский язык — десять лет. Да и то потом ни черта не знаешь. Трудно! Профессора двадцать тысяч в год получают.

Плантов подпёр щеку рукой и сосредоточенно слушал Поползухина.

— Да, теперь народ другой, — сказал он. — Всё знают. Вы на граммофоне умеете играть?

— Как играть?

— А так... Прислал мне тесть на именины из города граммофон... Труба есть такая, кружочки. А как на нём играть, бес его знает! Так и стоит без дела.

Поползухин внимательно посмотрел на Плантова, отложил в сторону пиджак и сказал:

— Да, я на граммофоне немного умею играть. Учился. Только это трудно, откровенно говоря!

— Ну? Играете? Вот так браво!..

Плантов оживился, вскочил и схватил гимназиста за руку.

— Пойдём! Вы нам поиграете. Ну его к бесу, ваш пиджак! После отчистите! Послушаем, как оно это... Жена, жена!.. Иди сюда, бери вязанье, учитель на граммофоне играть будет!

Граммофон лежал в зелёном сундуке под беличьим салопом, завёрнутый в какие-то газеты и коленкор.

Поползухин с мрачным, решительным лицом вынул граммофон, установил его, приставил рупор и махнул рукой.

— Потрудитесь, господа, отойти подальше! Андрейка, ты зачем с колен встал? Как пиджаки чернилами обливать, на это ты мастер, а как на коленях стоять, так не мастер! Господа, будьте любезны сесть подальше, вы меня нервируете!

— А вы его не испортите? — испуганно спросил Плантов.—
Вещь дорогая.

Поползухин презрительно усхмехнулся.

— Не бойтесь, не с такими аппаратами дело имели!

Он всунул в отверстие иглу, положил пластинку и завёл пружину. Все ахнули. Из трубы донесся визгливый человеческий голос, кричавший: «Выйду ль я на реченьку».

Бледный от гордости и упоенный собственным могуществом, стоял Поползухин около граммофона и изредка, с хладнокровием опытного, выдавшего виды мастера подкручивал винтик, регулирующий высоту звука.

Помещик Плантов хлопал себя по бёдрам, вскакивал и, подбегая ко всем, говорил:

— Ты понимаешь, что это такое? Человеческий голос из трубы! Андрейка, видишь, болван, какого мы тебе хорошего учителя нашли? А ты всё по крышам лазишь!.. А ну что-нибудь изобразите, господин Поползухин!

В дверях столпилась дворня с исковерканными изумлением и тайным страхом лицами: девка, выпавшая вчера из окна, мальчишка, разбивший тарелку, и даже продажный кучер Афанасий, сговорившийся с Андрейкой погубить учителя.

Потом крадучись пришла вчерашняя старуха. Она заглянула в комнату, увидела учителя, блестящий рупор, всплеснула руками и снова умчалась, подпрыгивая, в сад.

В Кривых Углах она считалась самым пугливым, диким и глупым существом.

Глава 3. Светлые дни.

Для гимназиста Поползухина наступили светлые, безоблачные дни. Андрейка боялся его до обморока и большей частью сидел на крыше, спускаясь только тогда, когда играл граммофон. Помещик Плантов забыл уже о кончинах и целый день ходил по пятам за Поползухиным, монотонно повторяя молящим голосом:

— Ну, сыграйте что-нибудь!.. Очень вас прошу! Чего в самом деле?

— Да ничего сейчас не могу! — манерничал Поползухин.

— Почему не можете?

— А для этого нужно подходящее настроение! А ваш Андрейка меня разнервничал.

— А бес с ним! Плюньте вы на это учение! Будем лучше играть на граммофоне... Ну, сыграйте сейчас!

— Эх! — качал мохнатой головой Поползухин.— Что уж с вами делать! Пойдёмте!

Госпожа Плантова за обедом подкладывала Поползухину лучшие куски, поила его наливкой и всем своим видом показывала, что она не прочь нарушить свой супружеский долг ради такого искусного музыканта и галантного человека.

Вся дворня при встрече с Поползухиным снимала шапки и кланялась. Выпавшая в своё время из окна девка каждый день ставила в комнату учителя громадный свежий букет цветов, а парень, разбивший тарелку, чистил сапоги учителя так яростно, что во время этой операции к нему опасно было подходить на близкое расстояние: амплитуда колебаний щетки достигала чуть не целой сажени.

И только одна поджарая старуха не могла превозмочь непобедимую робость перед странным могуществом учителя — при виде его с криком убегала в сад и долго сидела в крыжовнике, что отражалось на её хозяйственных работах.

Сам Поползухин, кроме граммофонных занятий, ничего не делал: Андрейку не видал по целым дням, помыкал всем домом, ел пять раз в сутки и иногда, просыпаясь ночью, звал приставленного к нему парня:

— Принеси-ка мне чего-нибудь поесть! Студня, что ли, или мяса! Да наливки дай!

Услышав шум, помещик Плантов поднимался с кровати, надевал халат и заходил к учителю.

— Кушаете? А что, в самом деле, выпью-ка и я наливки! А ежели вам спать не особенно хочется, пойдём-ка, вы мне поиграете что-нибудь. А?

Поползухин съедал принесённое, выпроваживал огорчённого Плантова и заваливался спать.

Глава 4. Крах

С утра Поползухин уходил гулять в поле, к реке. Дворня, по поручению Плантова, бегала за ним, искала, аукала и, найдя, говорила:

— Идите, барчук, в дом! Барин просят вас на той машине поиграть.

— А ну его к чёрту! — морщился Поползухин. — Не пойду! Скажите, нет настроения для игры!

— Идите, барчук!.. Барыня тоже очень просила. И Андрейка плачут, слушать хотят.

— Скажите, вечером поиграю!

Однажды ничего не подозревавший Поползухин возвращался с прогулки к обеду. В двадцати шагах от дома он вдруг остановился и, вздрогнув, стал прислушиваться.

«Выйду ль я на реченьку», — заливался граммофон.

С криком бешенства и ужаса схватился гимназист Поползухин за голову и бросился в дом. Сомнения не было: граммофон играл, а в трёх шагах от него стоял неизвестный Поползухину студент и добродушно-насмешливо поглядывал на окружающих.

— Да что ж тут мудрёного? — говорил он. — Механизм самый простой. Даже Андрейка великолепно с ним управится.

— Зачем вы без меня трогали граммофон? — сердито крикнул Поползухин.

— Смотри, какая цаца! — сказал ядовито помещик Плантов. — Будто это его граммофон. Что же ты нам кружил голову, что на нём играть нужно учиться? А вот Митя Колонтарёв приехал и сразу заиграл. Эх, ты... карандаш! А позвольте, Митя, я теперь заведу! То-то дорого! Теперь целый день буду играть. Позвольте вас поцеловать, уважаемый Митя, что вздумали свизитировать нас, стариков.

За обедом на Поползухина не обращали никакого внимания. Говядину ему положили жилистую, с костью, вместо наливки он пил квас, а после обеда Плантов, уронив рассеянный взгляд на Андрейку, схватил его за ухо и крикнул:

— Ну, брат, довольно тебе шалберничать... нагулялся! Учитель, займитесь!

Поползухин схватил Андрейку за руку и бешено дёрнул его:

— Пойдём!

И они пошли, не смотря друг на друга... По дороге гимназист дал Андрейке два тумака, а тот улучил минуту и плюнул учителю на сапог.